

Для китайского школьника спартакиада — событие привычное донельзя. Начиная с начальных классов, эти игры проводятся каждый семестр, превращаясь для учеников в долгожданный праздник. И дело не столько в спорте, сколько в законном праве на три дня забыть об уроках и просто отдохнуть.

После торжественной и, как водится, пафосной речи директора началась церемония открытия.

Янь Жань вместе с теми, кто не попал в парадный расчет, уже стоял на поле стадиона. Ученики, идущие в колоннах, столпились за воротами. Как только загремела музыка и над трибунами разнесся голос комментатора, они двинулись вперед.

Город М, затерянный в глубине страны, не отличался широтой взглядов. Местные жители жили консервативно, и школьники здесь не щеголяли той креативностью, что была присуща их сверстникам из развитых приморских регионов. Большинство классов просто чинно маршировали мимо трибун, высоко держа таблички. И лишь немногие решались на что-то необычное.

Первый класс старшей школы был в числе тех, кто подготовил сюрприз. Двадцать два человека из этого строя репетировали два вечера подряд — и, учитывая недавний опыт строевой подготовки в военном лагере, держались они отлично.

Сяо Цзичун шел во главе, уверенно неся табличку первого класса и выдерживая четкий темп. Чжао Мэнжань держала в руке палочку михуатана — лакомства из воздушного риса — ярко-красного цвета, к которой был привязан пионерский галстук. С помощью этого импровизированного жезла она дирижировала колонной.

Остальные разделились на пять групп: у одних в руках были белые палочки михуатана, у других — желтые, у третьих — оранжевые. Повинуясь командам Чжао Мэнжань, они кружили вокруг Сяо Цзичуна, взмахивая сладостями и перестраиваясь: то в пятиконечную звезду, то в иероглифы «поле» или «земля»...

Когда трибуны осознали, что первый класс беспардонно марширует с едой вместо флагов, стадион взорвался аплодисментами и хохотом. Но ребята из парадного строя проявили завидную выдержку — они оставались предельно серьезными, ни тени улыбки не промелькнуло на их лицах.

Янь Жань притащил из дома новенький цифровой фотоаппарат Nikon. Плевав на дисциплину, он протиснулся в первый ряд, снимая видео, а когда строй первого класса поравнялся с ним, быстро переключился в режим фото и сделал несколько крупных планов Сяо Цзичуна.

Девчонки, как известно, обожают фотографироваться. Узнав, что камера у Янь Жана цифровая и за проявку пленки платить не нужно, многие потянулись к нему с просьбами. В классе уже

давно поняли, что Янь Жань — парень покладистый, поэтому просили его без лишних стеснений. Он лишь кивал и соглашался.

Следом за ними шел второй класс. Атмосфера там всегда была побойчее: каждый ученик в их колонне держал по словарю Оксфорда. Помимо выкрикивания лозунгов, они делали вид, что увлеченно читают слова по ходу движения.

Проходя мимо, ребята из второго класса весело подначивали «первашей»:

— Мы-то думали, у нас креатив, но вы нас переплюнули! Выходит, самые тихие — они и есть самые безбашенные!

В параллели было два экспериментальных класса. Первый, под началом Сяо Цзичуна, всегда казался образцом благоразумия. Вторым же был иным: их староста Се Цзэ слыл натурой артистичной и слегка сумасбродной. Он вечно что-то выдумывал, отлично учился, умел развлекаться и сплачивать людей, за что второй класс и прозвали «эффектными». Именно поэтому Се Цзэ и назвал первый класс «тихонями с чертовщинкой».

Вскоре парад закончился, и колонны влились в общую массу на трибунах. Стоило участникам шоу вернуться к своим, как одноклассники тут же начали расхватывать и доедать тот самый михуатан.

Янь Жань стоял в толпе, довольно улыбаясь. Цзян Кунь, участвовавший в параде, протянул ему желтую палочку михуатана, но Янь Жань лишь посмотрел на Сяо Цзичуна, который стоял в самом начале ряда спиной к классу, все еще удерживая табличку. Янь Жань решил сохранить сладость для него.

— Вкусно, сладко, — прокомментировал Цзян Кунь, хрустя своей порцией.

Янь Жань кивнул:

— Я старосте оставлю.

Стоявший позади Чэн Фэн влез в разговор:

— Да зачем ему оставлять? Мы на классные деньги целый мешок купили, там еще больше половины осталось. Как церемония кончится, Кэ Линьлинь велит все остатки в наш лагерь отнести. Объедемся еще.

Янь Жань пробормотал что-то неопределенное, а затем спросил:

— Слушай, говорили же, что будет танец с лентами. Почему в итоге михуатан?

Чэн Фэн, продолжая жевать, охотно пояснил:

— Когда пошли покупать ленты, поняли, что они чертовски дорогие. Да и куда их потом девать? Выброшенные деньги. А в соседнем отделе как раз этот михуатан стоял. Кто-то и ляпнул: смотрите, сколько цветов, давайте его возьмем! К тому же палочки жесткие, ими махать проще, чем лентами, никакой техники не надо. Ну и вот.

— И староста согласился? — Янь Жань с трудом верил, что Сяо Цзичун допустил такой балаган.

Чэн Фэн пожал плечами:

— Так это он и предложил. Сказал: «И дешево, и практично».

Янь Жань невольно хмыкнул и откусил кусочек от палочки. Действительно, сладко. Но тут же замер, глядя на лакомство: ребята махали этими палками на пыльном стадионе несколько минут... чисто ли это? Вспомнив о брезгливости Сяо Цзичуна, Янь Жань понял, что тот к этому точно не притронется.

Когда церемония завершилась, классы перебрались в свои сектора, и спартакиада официально стартовала.

Первый день был отведен под предварительные заплывы и забеги.

Янь Жань вместе с Кэ Линьлинь сидел за столом в штабе класса. Он корпел над заметкой о церемонии открытия для школьной газеты, а Кэ Линьлинь занималась учетом воды и закупок, то и дело что-то перекусывая.

Сяо Цзичун в это время носился по стадиону: распределял людей по точкам, отправляя участников на старт и организовывал группы поддержки.

В средней школе Янь Жань никогда не был активистом, и только сейчас, став старостой, осознал, насколько это выматывающий труд. Глядя на то, как четко Сяо Цзичун управляет всем этим хаосом, он чувствовал необъяснимую гордость.

Дописав черновик, Янь Жань передал его Кэ Линьлинь, чтобы та оценила текст перед отправкой в радиоузел. В этот момент к столу подбежал Сяо Цзичун.

Оба — и Янь Жань, и Кэ Линьлинь — тут же выпрямились. Кэ Линьлинь, будучи девушкой бойкой, сразу защебетала, надеясь на похвалу:

— Староста, гляди, мы заметку закончили! Хочешь почитать?

Янь Жаню на миг стало обидно: «Мы закончили? А ничего, что это я писал?» Но он промолчал, отойдя в сторону, чтобы прибрать куртки, которые одноклассники набросали на скамьи.

Сяо Цзичун взял листок, быстро пробежал глазами текст и кивнул Кэ Линьлинь:

— Отлично справляешься с хозяйством. Молодец.

Девушка расцвела, ее щеки густо покраснели. Она вытянулась по струнке:

— Спасибо, староста!

Сяо Цзичун добавил:

— И текст, что Янь Жань написал, хороший. Неси его в радиоузел. По правилам нам нужно сдать не меньше десяти заметок за игры. За лучшие статьи дают премию. Я уже переговорил со знакомой старшеклассницей на радио, она обещала нашему классу пойти навстречу.

Кэ Линьлинь не ожидала, что Сяо Цзичун с первого взгляда определит автора. Ей стало неловко, но она тут же сообразила: они же соседи, сидят за одной партой, Сяо Цзичун знает почерк Янь Жаня как свой собственный. «Не стоило злить Жаня», — промелькнуло у нее в голове.

Она тут же поправилась:

— Да, староста у нас везде свои люди! А Янь Жань и правда отлично пишет, и почерк у него каллиграфический.

И тут же добавила:

— Так мне отнести заметку?

— Не нужно, — отрезал Сяо Цзичун. — Мы с Янь Жанем сами ходим. Мне все равно нужно еще раз переговорить со старшеклассницей.

— А, ну ладно, — выдавила улыбку Кэ Линьлинь, хотя на душе у нее стало тоскливо.

Сяо Цзичун повернулся к другу:

— Янь Жань, камера где?

Тот факт, что Сяо Цзичун сразу признал его авторство, наполнил Янь Жаня тихой радостью.

— Камеру Лу Дань взяла, пошла снимать.

— Идем сначала на радио, потом заберешь камеру. Нужно запечатлеть наших на соревнованиях. У учителя Хао аппарат слабый, ничего толком не снимешь. А твои снимки потом распечатаем и сделаем стенгазету.

Янь Жань с готовностью подхватил листок и пошел вслед за другом. Сяо Цзичун прихватил из запасов пакет со сладостями — для «подарка» радистам.

На стадионе кипела жизнь. Под бодрые марши, гремящие из колонок, Янь Жань все же не выдержал и спросил:

— Слушай, а как ты понял, что это я писал?

Сяо Цзичун лишь устало посмотрел на него:

— Твой почерк я из тысячи узнаю. Ты за кого меня принимаешь?

Янь Жань промолчал, но на сердце стало еще теплее.

В радиоузле работали трое: парень и две девушки. Одна из них была выпускницей, двое других — из десятого класса.

Выпускница, увидев Сяо Цзичуна, заметно оживилась и даже вышла из дикторской кабины. После недолгого обмена любезностями и передачи «гостинцев» Сяо Цзичун представил Янь Жаня, сдал текст и, закончив дела, увел друга.

Те, кто вызывается работать на школьном радио, обычно мечтают о карьере диктора, а потому и внешность имеют соответствующую. Та старшеклассница была высокой и по-настоящему красивой.

Отойдя подальше, Янь Жань заметил:

— Эта сестрица... она что, в актрисы собирается?

— Не знаю, — коротко бросил Сяо Цзичун.

— А я думал, вы близкие друзья. Она очень красивая.

Сяо Цзичун странно посмотрел на него. Обычно Янь Жань был крайне сдержан в оценках, а тут вдруг такая прямолинейная похвала!

— Она скоро выпускается, — только и сказал он.

Янь Жань неловко улыбнулся:

— Да ты не подумай чего... Я просто подумал, может, тебе нравятся такие?

Сяо Цзичун был на редкость умен, и Янь Жань полагал, что такому «богу учебы» вполне могут импонировать девушки постарше и поопытнее.

Янь Жань, несмотря на свою замкнутость, обладал поразительным чутьем на чужие чувства. Он редко с кем сближался, но всегда первым узнавал, «кто в кого влюблен». Эта его пронизательность часто ставила Сяо Цзичуна в тупик.

Янь Жань знал наперечет всех девчонок в школе, которые вздыхали по его другу. Их счет шел на десятки, если не на сотни. В школе было полно учениц. Старшеклассницы вечно околачивались у кабинета первого класса, а девчонки из средней школы, прикрываясь «детской непосредственностью», и вовсе устраивали паломничества целыми группами, чтобы просто поглазеть на него.

К этим толпам поклонниц Янь Жань относился спокойно, но он видел взгляды одноклассниц. Они боялись признаться, опасаясь вылета из экспериментального класса за «неподобающее поведение», но выдавали себя с головой.

Янь Жань был уверен: раз уж он, тихий наблюдатель, все это видит, то Сяо Цзичун и подавно все понимает. И если тот никак не реагирует на сверстниц, значит, его сердце занято кем-то другим — возможно, той самой недостижимой старшеклассницей.

<http://bllate.org/book/17500/1660025>